

3 3. VI.
737

3. VI
~~Handwritten signature~~

1912
1398 +

Handwritten notes in purple ink

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ПО ВОПРОСУ О СПОСОБАХЪ ОБРАЗОВАНІЯ КРЫМСКИХЪ ТАТАРЪ.

28187

Какъ ни мало въ настоящее время число Татаръ въ Крыму¹⁾, вопросъ о способахъ распространенія между ними русскаго языка и русскаго просвѣщенія имѣетъ великую важность, какъ самъ по себѣ — по отношенію его къ пользамъ самихъ Татаръ, къ благосостоянію края и къ политическимъ интересамъ Россіи, такъ и потому, что удовлетворительное рѣшеніе этого вопроса въ Крыму подготовило бы таковое же и относительно многочислѣннѣйшихъ магометанскихъ подданныхъ Россіи на восточныхъ окраинахъ ея, гдѣ уже въ прошломъ году былъ возбужденъ вопросъ подобнаго же рода, но гдѣ менѣе, чѣмъ въ Крыму, было сдѣлано опытовъ въ этомъ отношеніи. Для удовлетворительнаго разрѣшенія вопроса такой важности прежде всего

¹⁾ По окладнымъ листамъ Таврической казенной палаты, въ Таврической губерніи, во вторую половину 1867 года, было 40.514 Татаръ мужскаго пола, а по свѣдѣніямъ магометанскаго духовнаго управленія за 1866 годъ — 48.912 муж. и 46.373 женск. пола, всего же 95.285; по свѣдѣніямъ же статистическаго комитета (см. Памятную книжку Таврической губерніи на 1867 г., стр. 356) — 109.305 душъ обоого пола. Показанія магометанскаго духовенства, очевидно, ошибочны въ томъ отношеніи, что число лицъ женскаго пола оказывается меньшимъ, чѣмъ число мужчинъ, тогда какъ по общему статистическому закону, число женщинъ всегда и вездѣ превышаетъ число мужчинъ, а въ Крыму у Татаръ должно превышать его болѣе чѣмъ гдѣ-либо, такъ какъ у нихъ женщины нисколько не обременены работами и такъ какъ при недавнемъ переселеніи цѣлыхъ массъ Татаръ въ Турцію, безъ сомнѣнія, на мѣстѣ осталось болѣе женщинъ, чѣмъ мужчинъ. Но можно ли полагать, чтобы при этомъ было преувеличено число лицъ мужскаго пола, которое, вѣдствие обрѣзанія, можетъ быть въ точности извѣстно магометанскому духовенству, тогда какъ на число женщинъ оно можетъ обращать меньшее вниманіе?

ЧАСТЬ СХХХVI.

ЦНБ ХНУ им. В.Н. Каразина
2010 р.

Центральна Библиотека
К. В. В.

30
58
Handwritten initials

необходимо воспользоваться опытами прошедшаго (а въ нихъ, какъ увидимъ, не было недостатка въ Крыму) и изъ этихъ опытовъ извлечь наставленія для дальнѣйшей дѣятельности по этому предмету. Такимъ образомъ предварительно слѣдуетъ изложить исторію этого вопроса въ Крыму за недавно прошедшее время¹⁾.

Мысль о распространеніи русскаго языка между крымскими Татарами относится еще къ концу царствованія императора Александра I. Неизвѣстно по чьему внушенію, Татары, воспользовавшись путешествіемъ Его Величества по Крыму, сами просили его о доставленіи имъ способовъ научиться русскому языку, дабы узнать русскіе законы. Какъ кажется, вслѣдствіе этой ихъ просьбы, въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ уѣздныхъ училищахъ, напримѣръ, въ Феодосійскомъ, было введено преподаваніе татарскаго языка, какъ предмета обязательнаго равно для всѣхъ учениковъ: разрѣшая эту мѣру, правительство, очевидно, руководилось желаніемъ содѣйствовать вообще сближенію между Русскими и Татарами, а также надѣялось этимъ способомъ привлечь татарскихъ дѣтей въ общія для всѣхъ училища, какъ это, между прочимъ, и высказалъ бывшій директоръ училищъ Таврической губерніи А. В. Самойловъ въ запискѣ, составленной имъ въ 1843 году по поводу назначенной попечителемъ Одесскаго учебнаго округа ревизіи училищъ для опредѣленія успѣшности преподаванія въ нихъ татарскаго языка.

Дальнѣйшею и болѣе энергическою мѣрою правительства было учрежденіе при Симферопольской гимназій татарскаго училищнаго отдѣленія, послѣдовавшее на основаніи Высочайшаго повелѣнія отъ 14-го февраля 1827 года. Цѣль этого училищнаго отдѣленія, какъ можно заключить изъ текста Высочайшаго повелѣнія, состояла въ подготовленіи достойныхъ и способныхъ учителей для Татаръ, изъ ихъ же среды, не только по одному русскому языку, но и по другимъ предметамъ, и не только для городскихъ и сельскихъ школъ, которыя само правительство предполагало учредить для нихъ, но и для тѣхъ, которыя уже существовали и содержались на счетъ доходовъ съ вакуфовъ, то-есть, для магометанскихъ школъ высшаго разряда (медресе или согда) и низшаго (мектебе). Согласно съ этимъ назначеніемъ, татарскія дѣти, имѣвшія поступить въ отдѣленіе, должны были проходить, — разумѣется, на русскомъ языкѣ, — не только всѣ

¹⁾ Къ сожалѣнію, дѣла канцеляріи попечителя Одесскаго учебнаго округа и бывшаго татарскаго училищнаго отдѣленія въ Симферополѣ оставляютъ много пробѣловъ въ этой исторіи.

предметы уѣздныхъ училищъ и гимназій, кромѣ иностранныхъ языковъ и предметовъ, относящихся до религіи, но и предметы, преподаваемые въ медресе, для чего и былъ назначенъ особый татарскій учитель съ жалованьемъ въ 400 рублей. Казеннокоштныхъ учениковъ полагалось имѣть всего 20, и на содержаніе каждаго изъ нихъ назначалось по 300 руб., да на жалованье двумъ надзирателямъ при нихъ 600 р.; всего же на татарское училищное отдѣленіе первоначально исчислено было расхода до 8,500 рублей асс. въ годъ. Въ послѣдствіи, Высочайше утвержденнымъ 3-го мая 1838 года положеніемъ комитета министровъ, преподаваніе татарскихъ предметовъ въ отдѣленіи было поставлено въ нѣсколько лучшія условія, а именно преподаваніе закона магометанской вѣры было предоставлено особому учителю — муллѣ (съ жалованьемъ въ 200 р.), который избирался Симферопольскимъ муфтіемъ, а жалованье татарскаго учителя было увеличено до 1.200 р., то-есть, сравнено съ тогдашнимъ жалованьемъ младшихъ учителей гимназій, при чемъ ему вмѣнено въ обязанность давать не менѣе 12 уроковъ въ недѣлю. Но усиливая средства преподаванія татарскихъ предметовъ, правительство не теряло изъ вида главной своей цѣли — возможно лучшаго усвоенія русскаго языка будущими наставниками татарскаго юношества, и въ одновременно (3-го мая 1838 года) состоявшемся, съ утвержденія бывшаго министра С. С. Уварова, новомъ положеніи татарскаго училищнаго отдѣленія, прямо выставяло на видъ, что воспитанники отдѣленія обязаны изучать русскій языкъ преимущественно предъ всѣми прочими науками. Въ этомъ духѣ полнаго предпочтенія русскаго языка прочимъ предметамъ, и въ особенности татарскому языку, все дѣло было ведено, какъ въ татарскомъ училищномъ отдѣленіи, такъ и въ прочихъ училищахъ, болѣе или менѣе предназначавшихся для Татаръ. Объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ упомянутая выше записка, составленная А. В. Самойловымъ. Онъ сознается, что мѣстное начальство, будучи озабочено успѣхами учениковъ въ русскомъ языкѣ, не вникало въ положеніе татарскаго языка въ училищахъ и что его преподавали лица, въ немъ не свѣдущія; но, повидимому, такому пренебреженію къ татарскому языку въ училищахъ, предназначенныхъ для Татаръ, онъ не придавалъ никакого значенія.

Надобно правду сказать, что преподаваніе татарскаго языка представляло въ то время большія трудности и даже неудобства, на которыя сначала не было обращено надлежащаго вниманія. За исключеніемъ кое-какихъ ханскихъ ярлыковъ, сохранившихся отъ стараго

времени, и изданныхъ и объясненныхъ лишь въ послѣдствіи, — отчасти бывшимъ въ то время профессоромъ восточныхъ языковъ въ Ришельевскомъ лицѣѣ, В. В. Григорьевымъ, — на крымскомъ татарскомъ языкѣ не было никакой письменности, и вся даже словесность, въ обширномъ смыслѣ этого слова, ограничивалась нѣсколькими пѣснями, да нѣкоторыми народными пословицами и поговорками; вообще же татарскій языкъ былъ только разговорнымъ языкомъ, и въ самихъ татарскихъ магометанскихъ школахъ и по сію пору (по крайней мѣрѣ, въ большей части ихъ) онъ не составляетъ предмета особаго изученія: никто не учится ни читать, ни писать на немъ, а всякій, въ случаѣ надобности, примѣняетъ къ нему, какъ умѣетъ, выученныя въ школѣ арабскія письмена. Такимъ образомъ не было никакихъ учебныхъ пособій для преподаванія татарскаго языка: ни азбуки, ни грамматики, ни книги для чтенія. Единственная печатная книга на татарскомъ языкѣ было Евангеліе, изданное Русскимъ Библейскимъ Обществомъ, да и то на казанскомъ нарѣчій, отъ котораго крымское нарѣчіе далеко отстаетъ, такъ что крымскіе и казанскіе Татары едва въ состояніи понимать другъ друга. Если дѣйствительно это Евангеліе, какъ можно заключить по одному выраженію покойнаго Самойлова, было въ употребленіи въ татарскихъ школахъ его дирекціи, въ качествѣ учебной книги татарскаго языка, то это одно обстоятельство могло уже отвратить татарскихъ магометанскихъ дѣтей отъ ихъ посѣщенія.

Какъ бы то ни было, но ревизія татарскихъ училищъ въ Крыму, произведенная въ 1843 году, дала совершенно новый оборотъ дѣлу, и въ послѣдовавшую за нею пору прежнее небреженіе татарскимъ языкомъ уступило мѣсто преувеличенной заботливости объ его пруспѣяніи въ училищахъ Таврической губерніи. Прежде всего была составлена г. Кузьминнымъ, преемникомъ по кафедрѣ В. В. Григорьева, перешедшаго въ другое вѣдомство, инструкция въ видѣ подробной программы для преподаванія татарскаго языка, какъ въ Симферопольскомъ училищномъ отдѣленіи, такъ и въ возникшихъ тогда волостныхъ татарскихъ школахъ вѣдомства государственныхъ имуществъ. Предметомъ изученія, согласно съ этою инструкціей, долженъ былъ стать языкъ образованнаго городского, а не степнаго общества, языкъ, переполненный заимствованіями изъ языковъ магометанской литературы — арабскаго и персидскаго, формы и синтаксисъ которыхъ и долженствовали быть объясняемы ученикамъ училищнаго отдѣленія, тогда какъ ученики волостныхъ школъ должны были изучить только

10 главныхъ формъ арабскаго языка. Ученикамъ училищнаго отдѣленія, сверхъ того, было предположено объяснять еще особенности джагатайскаго, казанскаго и оренбургскаго нарѣчій татарскаго языка, а равно уклоненія отъ нихъ степнаго крымскаго нарѣчія, и изученіе послѣдняго начинать съ чтенія пословицъ и народныхъ поговорокъ. Впрочемъ, въ случаѣ преподаванія на русскомъ языкѣ, дозволялось прописывать татарскія слова не арабскими, а русскими буквами. Противъ приведенныхъ пунктовъ инструкціи г. Кузьмина, свѣдущіе учителя татарскаго языка, бывшіе питомцы училищнаго отдѣленія, гг. Газіевъ, Селимовъ и Боданинскій, на запросъ о ней попечителя Одесскаго учебнаго округа, совершенно основательно замѣтили, что преподавать должно степной языкъ, потому что изъ тогдашнихъ 140.000 Татаръ на немъ говорятъ по меньшей мѣрѣ 120 тысячъ, а показывать уклоненія этого языка отъ прочихъ нарѣчій почли неудобнымъ, потому что онъ весь есть уклоненіе.

Имѣя въ виду столь обширную программу преподаванія татарскаго языка, бывший въ то время попечитель Одесскаго учебнаго округа, въ представленіи своемъ министру, выразилъ опасеніе, будто бы воспитанники училищнаго отдѣленія, занимаясь преимущественно русскимъ языкомъ, забываютъ свой природный, и для того, чтобъ усилить и расширить преподаваніе татарскаго языка, ходатайствовалъ: 1) объ ограниченіи курса ученія въ Симферопольскомъ училищномъ отдѣленіи первыми тремя классами гимназій, съ присоединеніемъ дополнительнаго четвертаго года; 2) о назначеніи особаго инспектора при училищномъ отдѣленіи, который сверхъ преподаванія въ немъ, согласно инструкціи г. Кузьмина, началъ арабскаго, персидскаго и турецкаго языковъ, имѣлъ бы надзоръ за преподаваніемъ татарскаго языка въ другихъ училищахъ Таврической губерніи, и 3) о скорѣйшемъ составленіи и изданіи въ свѣтъ учебныхъ пособій, а именно азбуки и грамматики татарскаго языка, татарской христоматіи съ татарско-русскимъ словаремъ, составленной изъ крымско-татарскихъ пѣсень, изъ ханскихъ ярлыковъ, изъ *турецкихъ* пословицъ, обращающихся въ Крыму, образцовъ разнаго рода писемъ и приличныхъ переводовъ съ русскаго, поручивъ переводъ учителямъ Газіеву, Селимову и Боданинскому, и наконецъ, о составленіи и изданіи въ свѣтъ русской христоматіи съ русско-татарскимъ словаремъ, которая представляла бы собою нѣчто въ родѣ энциклопедіи основныхъ космографическихъ, географическихъ, физическихъ, этнографическихъ и историческихъ свѣдѣній, преимущественно же по исторіи Крыма, съ обзоромъ мѣрѣ правительства на пользу образованія Татаръ, важнѣйшихъ

уголовныхъ и гражданскихъ законовъ и постановленій относительно сельскаго управленія и съ присоединеніемъ образцовъ дѣловыхъ бумагъ примѣнительно къ быту Татаръ. Замѣчательнѣе всего предположеніе—за неимѣніемъ ничего ни писаннаго, ни печатнаго на крымскомъ татарскомъ нарѣчїи, ввести въ употребленіе, до изданія упомянутыхъ пособій, турецкую книжку Сулейманъ Намо и на турецкомъ же языкѣ сочиненіе Бельмета, изданное въ Парижѣ: „Les quarantes vizirs“, значительно сокративъ его, при чемъ принималась во вниманіе близость татарскаго крымскаго нарѣчїя къ турецкому языку. Надзоръ и руководство всѣми этими работами предполагалось поручить В. В. Григорьеву, а за переходомъ его на службу въ другое вѣдомство они возложены были на г. Кузьмина.

Всѣ эти предположенія дѣйствительно были осуществлены, или вполнѣ, или отчасти. На первомъ планѣ долгое время стояла забота о составленіи руководствъ къ изученію татарскаго языка. Наконецъ, въ апрѣлѣ 1848 года, были доставлены въ Одессу къ попечителю округа слѣдующія рукописи, просмотрѣнныя предварительно г. Кузьминымъ и исправленныя авторами по его указаніямъ: 1) Букварь крымско-татарскаго языка съ краткими объясненіями, — г. Газіева, учителя Сарабузскаго татарскаго училища; 2) Грамматика крымско-татарскаго языка, составленная учителемъ Симферопольской гимназїи г. Хорасановымъ; 3) „Другъ дѣтей“, книга для чтенія, переведенная на татарскій языкъ воспитанниками училищнаго отдѣленія подъ руководствомъ Абдурамана Челеби, бывшаго прежде преподавателемъ закона магометанской вѣры въ татарскомъ классѣ въ Бахчисарафѣ, а въ послѣдствїи помощникомъ инспектора Симферопольской гимназїи (по татарскому училищному отдѣленію): къ этой книгѣ былъ присоединенъ Джеваириль-Исламъ (вѣроятно, въ татарскомъ же переводѣ), то-есть, краткое объясненіе обязанностей мусульманина, и наконецъ, 4) переводъ „Сельскаго чтенія“, изготовленный г. Газіевымъ.

Правильное преподаваніе закона магометанской вѣры также озабочивало училищное начальство, хотя и въ меньшей мѣрѣ, нежели преподаваніе татарскаго языка. Окончательно курсъ этого предмета опредѣлился слѣдующимъ образомъ: I. Для татарскаго училищнаго отдѣленія—въ 1-й годъ: чтеніе 1-й и 2-й частей Афтенкъ (10-й части Корана) съ выучиваніемъ наизусть нѣкоторыхъ краткихъ главъ ея; во 2-й годъ—3-я часть Афтенкъ и Джеваириль-Исламъ (краткое изложеніе обязанностей мусульманина); въ 3-й и 4-й годы—выучиваніе 10-й части Илимъ-Хала (о Богѣ и пророкахъ) и чтеніе Алькорана съ начала

до 10-й части; въ 5-й годъ — Иствани (подробное изложеніе обязанностей мусульманина) и продолженіе Алькорана съ напѣвомъ и Сейруннеби (біографія Магомета). II. Для уѣздныхъ училищъ полагалось то же самое, но сокращенно, а для сельскихъ, съ 4-лѣтнимъ курсомъ, то же, но безъ Сейруннеби. Такъ какъ перевода Корана на татарскій и даже на турецкій языкъ въ то время не было — подобный переводъ издается только теперь въ Константинополь и оттуда усиленно распространяется и въ Крыму между Татарами — и такъ какъ арабскій языкъ не былъ предметомъ преподаванія даже въ училищномъ отдѣленіи, да и обыкновенно сами учителя татарскіе не только не понимаютъ Корана, но и едва-ли правильно умѣютъ читать его, то очевидно, что все это ученіе было чисто-механическое и бесплодное.

Создать должность особаго инспектора татарскаго училищнаго отдѣленія съ обязанностью наблюдать по всѣмъ училищамъ за преподаваніемъ татарскихъ предметовъ, не удалось за неимѣніемъ денежныхъ средствъ; но было учреждено званіе помощника инспектора Симферопольской гимназій, на котораго было возложено ближайшее заведываніе училищнымъ отдѣленіемъ, и въ эту должность былъ назначенъ магометанинъ Абдурраманъ Челеби.

Наконецъ, курсъ татарскаго училищнаго отдѣленія былъ преобразованъ согласно съ вышеприведенными предположеніями, на основаніи проекта, составленнаго въ 1847 году бывшимъ тогда директоромъ Самойловымъ. Курсъ ученія остался 8-лѣтній; первые 4 года ученики получали приготовительное образованіе въ самомъ отдѣленіи, занимаясь, подъ наблюденіемъ помощника инспектора и подъ руководствомъ надзирателя и соучениковъ, уже посѣщавшихъ классы 4 года, чтеніемъ, письмомъ, выучиваніемъ словъ и фразъ на русскомъ языкѣ и 4-мя дѣйствіями ариметики; затѣмъ въ продолженіе 3-хъ лѣтъ они посѣщали классы гимназій, и 8-й годъ посвящали на изученіе исторіи и географіи въ гимназій и практически занимались съ младшими учениками отдѣленія. Какъ и прежде, отдѣленіе поручалось главному надзору Таврическаго губернатора: отъ него зависѣло опредѣленіе дѣтей Татаръ на казенное содержаніе, для чего директоръ гимназій долженъ былъ немедленно сообщать ему о всякой вновь открывающейся вакансіи.

Въ такомъ видѣ татарское училищное отдѣленіе существовало до вторженія въ Крымъ непріятели въ 1854 году, когда воспитанники были разсланы по домамъ своихъ родителей и родственниковъ, самое зданіе было занято подъ военный госпиталь, и учебное заведеніе перестало существовать фактически. Оно не было возстановлено и по

заключеніи мира: напротивъ, бывшій попечитель Одесскаго учебнаго округа П. Г. Демидовъ, 22-го мая 1856 года, ходатайствовалъ передъ министромъ объ окончательномъ его упраздненіи; ходатайство его было поддержано его преемникомъ, Н. И. Пироговымъ, и училищное отдѣленіе было въ 1859 г. окончательно закрыто, а часть средствъ его назначена на учрежденіе особаго отдѣленія при пансіонѣ Симферопольской гимназіи для дѣтей мурзъ. Въ относящемся сюда Высочайшемъ повелѣніи, отъ 9-го февраля 1859 года, принято во вниманіе недостатокъ учебнаго заведенія въ Крыму, въ которомъ мурзы могли бы воспитывать своихъ дѣтей въ правилахъ своей вѣры, а потому сверхъ 5-ти казеннокоштныхъ воспитанниковъ (съ содержаніемъ въ 200 руб. въ годъ на каждого и безъ всякой обязательной службы), предполагалось принимать столькожъ своекоштныхъ пансіонеровъ, сколько можно будетъ помѣстить въ этомъ особомъ отдѣленіи: они должны были изучать всѣ предметы гимназическаго курса наравнѣ съ другими, а сверхъ того мулла (съ жалованьемъ въ 57 руб. 15 коп.) долженъ былъ обучать ихъ закону ихъ вѣры, надзиратель и вмѣстѣ учитель татарскаго языка (съ жалованьемъ въ 343 руб. 10 коп.) преподавать этотъ языкъ, а репетиторъ (200 р.), изъ знающихъ русскій и татарскій языки, упражнять ихъ въ русскомъ языкѣ.

Ходатайствуя объ упраздненіи татарскаго училищнаго отдѣленія, П. Г. Демидовъ ссылался главнѣйшимъ образомъ на доказанную опытомъ бесполезность его, такъ какъ въ продолженіе 28-лѣтняго существованія его (1827—1854 г.) въ немъ окончили курсъ всего 25 человекъ, и содержаніе ихъ, если раздѣлить только на нихъ всю израсходованную за это время сумму, обошлось каждому въ 3.360 р. (вѣрнѣе сказать, нѣсколько менѣе чѣмъ въ 3.000 р. — $74.730 : 25$, такъ какъ, очевидно, при разчетѣ не было принято во вниманіе, что до 1838 года расходовалось на отдѣленіе не 3.000 въ годъ, а 2.430 р. сер.). Но на основаніи подобныхъ же соображеній, пришлось бы закрыть почти всѣ наши гимназіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ отдѣленіи при комплектѣ въ 20 человекъ и при восьмилѣтнемъ курсѣ, въ продолженіе 28 лѣтъ окончили бы курсъ всего 70 человекъ, даже когда бы всѣ поступающіе оканчивали курсъ; такимъ образомъ 25 человекъ, окончившихъ курсъ въ отдѣленіи, составляютъ болѣе одной трети наибольшаго числа лицъ, которыя могли бы только окончить въ немъ курсъ, — пропорція, какой не представляетъ почти ни одна изъ нашихъ гимназій. Во всякомъ случаѣ, татарское училищное отдѣленіе доставляло большее число учителей, нежели какое требовалось: доказательствомъ служитъ разрѣ-

шеніе, внесенное въ послѣдующіе уставы отдѣленія, принимать окончившихъ курсъ въ отдѣленіи не только въ учителя, но и въ переводчики и вообще на государственную службу. Когда палата государственныхъ имуществъ начала учреждать волостныя училища для образованія писарей изъ Татаръ, то въ учителяхъ, знающихъ татарскій и русскій языки, недостатка не оказалось, и А. В. Самойловъ справедливо свидѣтельствовалъ (въ упомянутой выше запискѣ), что „училищное отдѣленіе оказало истинную услугу, снабдивъ первоначально открытыя училища хорошими учителями“. Что воспитанники отдѣленія, по крайней мѣрѣ въ началѣ, хорошо усвоивали себѣ русскій языкъ, видно уже изъ преувеличеннаго, безъ сомнѣнія, опасенія попечителя округа, какъ бы они совѣмъ не забыли своего роднаго нарѣчія. Что въ послѣдствіи, когда вниманіе было преимущественно обращено на татарскій языкъ, они успѣвали и въ татарской грамотѣ, видно изъ того, что питомецъ отдѣленія Газіевъ составилъ татарскій букварь съ грамматическими правилами и перевелъ на татарскій языкъ „Сельское чтеніе“, и что сами ученики, подѣ руководствомъ Абдуррамана Челеби, перевели книгу: „Другъ дѣтей“. Если же въ управленіи и въ самой организаціи татарскаго училищнаго отдѣленія могли быть существенные недостатки, то казалось бы, что необходимо было позаботиться только объ устраненіи этихъ недостатковъ, не уничтожая самого заведенія. Во всякомъ случаѣ, изъ всѣхъ учебныхъ заведеній для Татаръ это отдѣленіе дѣйствовало съ наибольшимъ успѣхомъ и наибольшею пользою.

Польза его, а равно и самыя успѣхи, были бы гораздо значительнѣе, если бы та цѣль, для которой оно было основано, преслѣдовалась съ большею энергіей; но къ сожалѣнію, этого вовсе не было. Предполагалось, какъ мы видѣли, учредить для Татаръ училища по городамъ и селамъ и снабдить собственныя ихъ школы хорошо подготовленными учителями; но что же было сдѣлано въ этомъ направленіи? *Прежде всего*, какъ уже было упомянуто, для привлеченія Татаръ въ общія училища, было введено преподаваніе татарскаго языка въ Феодосійскомъ и Перекопскомъ, а въ послѣдствіи (въ 1859 году) и въ Симферопольскомъ уѣздныхъ училищахъ. Благодаря этой мѣрѣ, многіе изъ Русскихъ научились по-татарски; но число Татаръ, поступавшихъ въ эти уѣздныя училища, было совершенно ничтожно, не смотря на то, что еще попечитель Княжевичъ обращался за содѣйствіемъ къ Симферопольскому муфтію, главѣ магометанскаго духовенства въ Крыму, и просилъ его, въ іюлѣ 1839 года, внушить Та-

тарамъ, что собственная ихъ польза требуетъ отъ нихъ изученія русскаго языка и посѣщенія съ этою цѣлю общихъ училищъ. *Востокъ*, въ 1837 году были учреждены въ Бахчисараѣ и въ Карасу-базарѣ татарскіе классы (съ двухлѣтнимъ, много трехлѣтнимъ курсомъ), отдѣльно отъ тамошнихъ приходскихъ училищъ, и въ этихъ классахъ преподавалась татарская и русская грамматика, а въ Бахчисарайскомъ классѣ и законъ магометанской вѣры собственно для увеличенія числа учениковъ изъ Татаръ; но отъ введенія этого послѣдняго предмета число учениковъ изъ Татаръ не только не увеличилось, а еще уменьшилось, вѣроятно, вслѣдствіе недовѣрія родителей Татаръ къ преподаванію закона ихъ вѣры въ училищѣ, учрежденномъ не ихъ духовенствомъ, а христіанскимъ правительствомъ. Этотъ фактъ засвидѣтельствованъ въ 1838 г. штатнымъ смотрителемъ Симферопольскаго уѣзднаго училища, который въ то же время въ донесеніи директору не совсѣмъ одобрительно отозвался и о самомъ преподаваніи Абдурраманомъ Челеби закона магометанской вѣры. Въ 1839 г. князь М. С. Воронцовъ, въ видахъ лучшаго усвоенія татарскими дѣтьми русскаго языка, пожелалъ соединенія татарскихъ классовъ съ общими приходскими училищами, и оно дѣйствительно состоялось въ Бахчисараѣ, и притомъ такъ, что собственно приходское училище присоединилось къ татарскому классу, и ученики приходскаго училища ходили въ зданіе татарскаго класса для слушанія общихъ предметовъ, и удалялись въ прежнее свое помѣщеніе на уроки закона Божія. Но ничто не помогало, и въ татарскихъ классахъ бѣольшую часть учениковъ составляли не Татары, число коихъ въ пору полевыхъ работъ уменьшалось даже до 3-хъ, а мѣстные Греки и Армяне, которые здѣсь учились и по-русски, и по-татарски;—и эти классы, равно какъ и введеніе татарскаго языка въ уѣздныя училища, только содѣйствовали распространенію знанія татарскаго языка въ мѣстномъ населеніи не-татарскаго происхожденія, освобождая Татаръ отъ необходимости изученія русскаго языка; сами же Татары предпочитали по прежнему обучаться въ своихъ мектебе и медресе. Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ, упомянутый выше смотритель пришелъ къ убѣжденію, заслуживающему серьезнаго вниманія, именно что безъ закрытія мектебе и медресе, учебныя заведенія, учреждаемыя правительствомъ для Татаръ, никогда не будутъ имѣть достаточнаго числа учениковъ. Не рѣшаясь еще прибѣгнуть къ этой мѣрѣ, которая не много спустя была примѣнена къ еврейскимъ хедерамъ, гдѣ однако же и вышній порядокъ, и самое ученіе все-таки нѣсколько лучше чѣмъ

въ татарскихъ школахъ, правительство вознамѣрилось ввести преподаваніе русскаго языка въ медресе, не подвергая ихъ какимъ-либо другимъ кореннымъ преобразованіямъ. Попытка эта также не увѣнчалась успѣхомъ. „Надо было, такъ-сказать, ворваться въ нѣдра медресе“, пишетъ А. В. Самойловъ въ апрѣлѣ 1843 года; „правительство назначило туда учителей русскаго языка, и первоначально въ главныя медресе въ Бахчисараѣ и Карасубазарѣ, что и исполнено; но какъ не было поставлено въ непремѣнную обязанность всѣмъ преподавателямъ медресе слушать курсъ русскаго языка, то учителя проповѣдывали въ пустынь“. Результатомъ всѣхъ опытовъ было убѣжденіе этого директора, что вообще для образованія Татаръ въ русскомъ духѣ необходимо введеніе принудительной системы ученія.

Именно этой системы держалось министерство государственныхъ имуществъ при учрежденіи своихъ волостныхъ училищъ для Татаръ, и какъ кажется, не безъ успѣха, при чемъ надобно однако имѣть въ виду, что оно заботилось только о подготовленіи писарей, а не собственно объ образованіи Татаръ. Кромѣ училища въ Ногайскѣ, которое шло съ наибольшимъ успѣхомъ, имъ были учреждены собственно въ Крыму слѣдующія училища: 1) училище въ Симферополѣ, при палатѣ государственныхъ имуществъ, въ послѣдствіи переведенное въ Сарабузы, 2) въ Сакахъ, 3) въ Таракташѣ и 4) поздиѣ въ Ушюнѣ. Каждая волость была обязана посылать въ одно изъ этихъ училищъ извѣстное число поселянскихъ мальчиковъ, которые и жили въ селеніяхъ, гдѣ помѣщались училища, въ тамошнихъ татарскихъ семьяхъ, а въ послѣдствіи было рѣшено поручать содержаніе мальчиковъ самому учителю, собирая ихъ въ одномъ домѣ, для чего и было предписано строить особые дома. Курсъ въ этихъ училищахъ былъ 4-лѣтній. Преподавались: языки русскій и татарскій, законъ магометанской вѣры, ариметика, счетоводство и дѣлопроизводство волостныхъ и сельскихъ управленій. Нынѣ всѣ эти училища закрыты, какъ кажется, потому что палата государственныхъ имуществъ убѣдилась, что вольнонаемные писаря, знающіе по-русски и по-татарски, обойдутся дешевле, нежели приготовленіе писарей изъ Татаръ въ особо-учрежденныхъ для нихъ училищахъ.

Таковы были попытки къ образованію Татаръ въ Крыму, начиная съ 1827 года. Были испробованы всевозможныя системы: пытались привлечь Татарскихъ дѣтей въ общія училища, введеніемъ въ нихъ преподаванія татарскаго языка; учреждали особые татарскіе классы отдѣльно и въ связи съ приходскими училищами (къ этимъ особымъ

училищамъ для Татаръ должны быть отнесены и волостныя училища вѣдомства государственныхъ имуществъ и само татарское училищное отдѣленіе); наконецъ, пробовали ввести преподаваніе русскаго языка въ медресе. Однакожь всѣ эти попытки остались безъ замѣтнаго результата для образованія массы Татаръ, и наибольшимъ еще успѣхомъ увѣнчались татарское училищное отдѣленіе и волостныя училища, по очевидно, потому что поступленіе въ нихъ зависѣло не отъ доброй воли татарскихъ родителей, а отъ назначенія татарскихъ дѣтей въ первое изъ нихъ Таврическимъ губернаторомъ, а въ послѣднія — палатою государственныхъ имуществъ и ея чиновниками. Такимъ образомъ опыты прошедшаго, повидимому, говорятъ прежде всего въ пользу принудительной системы обученія Татаръ въ Крыму, какая впрочемъ установлена и вездѣ въ Россіи, гдѣ заведены училища для инородцевъ, и удержаніе которой на первыхъ порахъ, въ предѣлахъ Казанскаго учебнаго округа, считаетъ необходимымъ даже такой ревнитель добровольной системы ученія, какъ Н. И. Золотницкій, нынѣ инспекторъ чувашскихъ школъ въ упомянутомъ округѣ.

Но если для образованія крымскихъ Татаръ въ русскомъ духѣ, судя по опытамъ прошедшаго, прежде всего необходимо установленіе принудительной системы ученія (которую не слѣдуетъ смѣшивать съ общимъ обязательствомъ посылать дѣтей въ школу), то при этомъ необходимо принять къ свѣдѣнію, что у Татаръ существуютъ свои духовныя магометанскія училища, посѣщеніе которыхъ считается у нихъ обязательнымъ въ возрастѣ отъ 6-ти до 15-ти лѣтъ и гдѣ ученіе происходитъ ежедневно (кромѣ пятницы) въ продолженіе 7-ми часовъ (по 4 часа до обѣда и по 3 послѣ обѣда). Впрочемъ, обязательность эта только нравственнаго свойства и въ настоящее время въ примѣненіи является ослабленною до значительной степени. Такъ, не считая Феодосійскаго уѣзда, объ училищахъ коего не имѣется свѣдѣній въ магометанскомъ духовномъ правленіи, первоначальныхъ магометанскихъ училищъ — мектебе — считается въ Крыму 136 на 77.406 Татаръ обоюга пола (1 училище на 570 человекъ), тогда какъ мечетей въ тѣхъ же уѣздахъ 648 (или 1 почти на 120 жит.). Отношеніе числа татарскихъ школъ къ числу Татаръ все-таки въ высшей степени благоприятно; но число учениковъ въ школахъ далеко не соотвѣтствуетъ тому, котораго можно было бы ожидать при всеобщей обязательности ученія въ возрастѣ отъ 6-ти до 15-ти лѣтъ. На этотъ возрастъ, на основаніи общихъ статистическихъ данныхъ, приходится отъ $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{4}$ всего населенія; принимая лишь $\frac{1}{5}$, мы получили бы слиш-

комъ 15.000 мальчиковъ и дѣвочекъ, обязанныхъ посѣщеніемъ школъ, а между тѣмъ дѣйствительно посѣщающихъ школы оказывается гораздо менѣе $\frac{1}{3}$ этого числа (именно 4.471); если взять отдѣльно мальчиковъ, то изъ общаго ихъ числа (8.000), посѣщающихъ школы окажется немного менѣе $\frac{1}{3}$ (2.918), а изъ общаго числа дѣвочекъ (7.000) немного болѣе $\frac{1}{5}$ (1.553). Есть мѣстности, довольно населенныя Татарами, какъ напримѣръ, Феодосія, въ которыхъ нѣтъ вовсе общественныхъ школъ, а есть только частныя, существующія на добровольныя приношенія родителей. Какъ бы то ни было, отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ всѣхъ татарскихъ дѣтей учится ежедневно, по 7 часовъ въ день, въ магометанскихъ школахъ, и родители ихъ вмѣняютъ себѣ въ религіозную обязанность такое ихъ обученіе. Совмѣстное существованіе другихъ, исключительно-свѣтскихъ, школъ, съ обязательнымъ же ученіемъ, оказалось бы или невозможностью, или же явнымъ нарушеніемъ того, что почитается татарскими родителями за священную обязанность. Очевидно, необходимо совмѣщеніе въ однихъ и тѣхъ же школахъ свѣтскаго и духовнаго обученія. Въ этомъ смыслѣ высказывались частнымъ образомъ и сами Татары, между прочимъ, въ селеніи Отузахъ и въ Феодосіи. Но въ какомъ видѣ можетъ быть допущено это совмѣщеніе? Должны ли быть закрыты медресе и мектебе тамъ, гдѣ были бы учреждены правительственныя училища для Татаръ, но подъ условіемъ, чтобы въ послѣднія было введено преподаваніе закона магометанской вѣры; или же преподаваніе свѣтскихъ предметовъ, и прежде всего русской грамоты, должно быть введено въ нынѣшнія магометанскія школы? Послѣднее было бы весьма желательно, но безъ радикальнаго преобразованія мектебе и медресе, это едва-ли возможно. Въ настоящемъ своемъ видѣ эти училища представляютъ собою не что иное, какъ народныя сходки, на которыхъ муллы читаютъ Коранъ, едва-ли правильно, и безъ всякихъ объясненій, за незнаніемъ арабскаго языка. Они посѣщаются людьми всѣхъ возрастовъ, когда и кому угодно, при чемъ дѣти учатся читать и писать по арабски. Очевидно, что министерство народнаго просвѣщенія не можетъ присоединить своихъ заведеній къ подобнымъ училищамъ, не преобразовавъ ихъ на европейскій ладъ, не ограничивъ числа часовъ, употребляемыхъ на господствующее тамъ бессмысленное ученіе, и даже не измѣнивъ педагогическаго характера послѣдняго. Слѣдовательно, такъ или иначе, но правительству пришлось бы принять на себя крайне непріятныя и по принципу несвойственныя ему заботы о правильномъ обученіи магометанскому закону, какъ оно приняло на себя подобныя

заботы по отношенію къ еврейскому закону. Впрочемъ, могъ бы быть одинъ исходъ изъ этого положенія, а именно можно было бы, опредѣливъ планъ свѣтскаго ученія татарскихъ дѣтей и предоставивъ духовное ихъ обученіе по прежнему мулламъ, принудить послѣднихъ сообразоваться въ ихъ учебномъ планѣ (то-есть, во времени и въ числѣ ежедневныхъ часовъ ученія) съ учебнымъ планомъ министерства. Во всякомъ случаѣ, этотъ вопросъ заслуживаетъ дальнѣйшаго обстоятельнаго обсужденія.

Учебный планъ предполагаемыхъ вновь татарскихъ училищъ могъ бы быть опредѣленъ слѣдующимъ образомъ. Чтобы не стѣснять излишне хотя и безплоднаго преподаванія въ нихъ магометанскихъ предметовъ, слѣдовало бы назначить курсъ 6-лѣтній. Въ первый періодъ дѣти учатся, въ связи съ нагляднымъ обученіемъ и при помощи татарскаго нарѣчія, русскому разговорному языку, а во второй періодъ, по достаточномъ усвоеніи русскаго языка, изучаютъ русскую грамоту (чтеніе и письмо) и первыя 4 дѣйствія ариметики надъ цѣлыми числами простыми и именованными, и выслушиваютъ курсъ русской исторіи, который долженъ имѣть для нихъ воспитательное значеніе и напечатлѣть въ ихъ умахъ понятіе о величій и могуществѣ Русскаго народа и Русскаго государства. Преподаваніе закона магометанской вѣры оставляется на попеченіи магометанскаго духовенства, которое, какъ сказано, въ назначеніи числа и времени часовъ подчиняется общему учебному плану. Преподаваніе татарскаго языка и татарской грамоты вовсе не полагается по той простой причинѣ, что это языкъ только разговорный, а не грамотный, не письменный или литературный, и слѣдовательно, учиться ему не для чего и не по чему, и самыя правила его не могли твердо установиться. Въ этомъ отношеніи указанія прошедшаго не оставляютъ никакого сомнѣнія. Не мало было потрачено и силъ, и средствъ, и времени на то, чтобы сдѣлать татарскій языкъ предметомъ, способнымъ къ правильному преподаванію, и все это съ цѣлью привлечь Татаръ въ школы; но всё эти усилія остались напрасны тѣмъ болѣе, что и въ своихъ собственныхъ школахъ Татары не изучаютъ своего языка и занимаются лишь грамотою арабской. Татарскій языкъ тѣмъ менѣе можетъ быть предметомъ преподаванія, что онъ не служитъ для Татаръ-магометанъ даже и языкомъ религій, хотя повидимому, въ послѣднее время турецкое правительство и заботится о томъ, чтобы придать ему этотъ характеръ, почему и содѣйствуетъ переводу Корана на татарскій языкъ. На время полевыхъ или садовыхъ работъ, — время, которое въ точности должно быть

опредѣлено разъ на всегда мѣстными училищными совѣтами, дѣти должны быть распускаемы по домамъ, въ пору же ученія должны жить при училищахъ, какъ было въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ.

При изысканіи и назначеніи на предполагаемыя училища матеріальныхъ средствъ, слѣдовало бы, какъ кажется, держаться правила, чтобъ интересы магометанскаго духовенства по возможности не понесли при этомъ ущерба и чтобъ оно такимъ образомъ не было заранѣе возбуждено противъ образованія Татаръ.

Наконѣцъ, остается вопросъ объ учителяхъ. Само собою разумѣется, что учителя въ татарскихъ училищахъ должны быть въ нравственномъ и политическомъ отношеніи люди вполне благонадежныя, и удовлетворяя прочимъ требованіямъ своего званія, должны владѣть татарскимъ языкомъ. Въ послѣдствіи при нѣкоторыхъ начальныхъ татарскихъ училищахъ могли бы быть устроены педагогическіе курсы съ 2-хъ или съ 3-лѣтнимъ дополнительнымъ курсомъ, въ продолженіе котораго кандидаты въ учителя изучали бы русскій языкъ грамматически, русскую исторію и географію съ большею противъ прежняго подробностью, проходили бы весь курсъ ариѳметики и краткое обзорѣніе всеобщей исторіи, и въ послѣдній годъ, подъ руководствомъ учителя, занимались бы съ учениками соотвѣтствующаго начальнаго татарскаго училища. Таковы могли бы быть, вкратцѣ и въ общихъ чертахъ, мѣры къ образованію крымскихъ Татаръ въ русскомъ духѣ. Обнародывая всѣ эти данныя и соображенія, министерство народнаго просвѣщенія желало бы, чтобы предметъ такой важности подвергся всестороннему обсужденію въ нашей литературѣ со стороны людей свѣдущихъ. Вотъ вопросы, на которые при этомъ слѣдовало бы обратить особенное вниманіе и разъясненіемъ коихъ поручено заняться особой комиссіи въ Симферополѣ:

1) Можетъ ли дѣло образованія Татаръ въ русскомъ духѣ быть представлено доброй ихъ волѣ, или же должно быть установлено въ этомъ случаѣ принудительное ученіе, тѣмъ болѣе, что трудно ожидать, чтобы нашлись люди въ ихъ собственной средѣ, которые силою убѣжденія успѣли бы восторжествовать надъ ихъ апатіей, а убѣжденія христіанскихъ дѣятелей едва-ли могутъ имѣть какой-либо успѣхъ въ татарско-магометанской средѣ?

2) Въ какія отношенія должны быть поставлены предполагаемыя школы къ существующимъ татарскимъ медресе и мектебе? Должны ли эти школы быть и свѣтскими, и духовными вмѣстѣ, замѣняя со-

бою медресе и мектебе, какъ это было отчасти съ татарскимъ училищнымъ отдѣленіемъ и волостными татарскими училищами государственныхъ имуществъ? Должно ли преподаваніе свѣтскихъ предметовъ быть введено въ медресе и мектебе и должно ли послѣднія подвергнуть коренному преобразованію; или же учреждая свѣтскія школы и упраздняя медресе и мектебе, въ то же время должно предоставить магометанскому духовенству установить въ этихъ новыхъ школахъ, или внѣ ихъ, преподаваніе закона магометанской вѣры, но не въ ущербъ свѣтскому ученію?

3) Какія мѣстности прежде всего могутъ быть избраны для учрежденія татарскихъ начальныхъ училищъ съ наибольшою надеждою на успѣхъ послѣднихъ?

4) Какія средства могутъ быть указаны на покрытіе издержекъ, какъ по первоначальному устройству татарскихъ училищъ, такъ и по дальнѣйшему ихъ содержанію?

5) Какія лица имѣются въ виду для замѣщенія въ татарскихъ начальныхъ училищахъ учительскихъ должностей, при чемъ надлежитъ имѣть въ виду, чтобъ они, удовлетворяя всѣмъ требованіямъ своего званія, обладали знаніемъ татарскаго языка и по нравственному своему характеру были бы способны стать миссіонерами европейской цивилизаціи и русскаго гражданскаго чувства въ средѣ Татаръ?

Совокупность свѣдѣній и мнѣній по всѣмъ этимъ вопросамъ послужила бы къ окончательному разъясненію дѣла и къ установленію его на прочныхъ основаніяхъ, столь необходимому для дальнѣйшаго его преуспѣянія.

Центральна Наукова
БІБЛІОТЕКА № 174. X. 63
Им. К.

04182